

Снег продолжал падать крупными хлопьями, снежная крошка застревала в прядях волос. Стоило Чжао Шинин поднять голову, как ветер и снег набросились на неё со всех сторон. Посчитав Морозный Клинок помехой, она немного подумала и снова вытащила меч из ножен.

В течение всего процесса извлечения клинка Се Линьчжо хранил глаза плотно закрытыми и не издал ни звука. Если бы не разорванные одежды и виднеющаяся под ними жуткая, страшная рана, которая медленно затягивалась, Чжао Шинин почти решила бы, что он мертв.

Чжао Шинин позавидовала его бессмертию, но тут же подумала: стоит ей переспать с Се Линьчжо, как вся его сила неизбежно перейдет к ней.

— Учитель, ты еще не до конца вернул мне долг. Одного этого меча мало, мне нужно больше. — Ее палец коснулся его испачканных кровью губ, грубым движением стирая кровавые следы, а затем она размазала кровь с подушечки пальца по его белоснежной, подобной нефриту коже.

Наконец Се Линьчжо отреагировал: слабо сжав пальцами ее запястье, он едва слышным, похожим на нить дыханием спросил:

— Почему ты не убиваешь меня?

— Я всего лишь смертная, как мне убить бессмертного? — Чжао Шинин отбросила его руку. Она ждала, пока кровь из его раны полностью остановится, иначе смотреть на зияющую дыру в его груди и пытаться что-либо сделать было выше ее сил.

— Разве в прошлый раз ты сбежала не в Мир Демонов к Ци Бумяню? И разве Вань Шу охраняет подножие горы каждый день не потому, что ждет тебя? — Голос Се Линьчжо казался донельзя уставшим.

Чжао Шинин на мгновение замерла, а затем с изумлением уставилась на него:

— Ты с самого начала знал, что я преследую скрытые цели? Тогда почему не убил меня?

Она тут же вспомнила всю его сегодняшнюю странную и неестественную череду поступков. Хотя он и был тяжело ранен, убить ее для него не составляло никакого труда. Однако она умудрилась отобрать у него меч самым ребяческим способом и даже всадить его ему в спину.

[Я же говорил тебе, что ты ему нравишься, а ты не верила.]

Чжао Шинин пропустила мимо ушей бредовые излияния системы, невольно вспоминая, что в последние годы Се Линьчжо почти никогда не обходился без ранений. То он отправлялся в Мир Демонов заирать Ци Бумяня, то шел на Гору Юду истреблять свирепых зверей, и каждый раз травмировал себя сильнее прежнего.

Иногда она даже втайне насмехалась над ним, полагая, что у Се Линьчжо просто недостает мастерства, раз он каждый раз возвращается в Павильон Безграничности сплошной живой раной.

— Ты... ищешь смерти? — Произнеся это вслух, Чжао Шинин сама поразилась собственным словам.

Бессмертный заклинатель — и вдруг жаждет умереть? Он что, больной?

Се Линьчжо разгадал ход ее мыслей, его лицо исказила насмешливая гримаса, и он отвернулся, не желая с ней разговаривать.

Заметив, что он игнорирует ее, Чжао Шинин решила сделать ровно наоборот: она властно вцепилась ему в подбородок, заставляя смотреть прямо на нее.

— Се Линьчжо, мне плевать, о чем ты думаешь, но до тех пор, пока я не стану небожительницей, твоя жизнь принадлежит только мне.

Услышав это, Се Линьчжо рассмеялся еще презрительнее. Его янтарные глаза напоминали застоявшуюся воду в пруду.

— Чжао Шинин, если ты сейчас же не позволишь Ци Бумяню прийти и убить меня, я непременно убью тебя.

— Тогда убей меня прямо сейчас. Но перед этим ты должен кое в чем мне помочь.

Закончив говорить и не дожидаясь его реакции, Чжао Шинин резким движением сорвала с него пояс.

— Чжао Шинин!

Его гневный окрик застрял в горле, заглушенный ее губами. Холодно-белая кожа начала медленно покрываться румянцем, напоминая необработанный кусок нефрита, но живописные шрамы на теле нарушали эту гармонию, пробуждая в Чжао Шинин темное желание уничтожить его до конца.

Духовные силы Се Линьчжо давно истощились, и в этот момент он ничем не отличался от обычного человека. К тому же он был тяжело ранен, а его внутренности скручивало от боли, полностью лишая возможности сопротивляться.

Он несколько раз пытался собрать крупницы духовной энергии, но слабое белое сияние, едва вспыхнув на ладони, тут же рассеивалось, вызывая лишь болезненный откат и усугубляя его

раны.

Не имея никакого опыта, Чжао Шинин могла лишь действовать инстинктивно, покусывая его губы до тех пор, пока во рту не отчетливо запахло железом. Лишь после этого она недовольно нахмурилась и отпустила его.

Губы Се Линьчжо были разбиты, а глаза — налиты кровью, когда он яростно уставился на нее. В нем не осталось и следа от прежней недосыгаемости, напоминающей снежные вершины гор. Снежная крупинка таяла на его влажных прядях волос, из-за чего он выглядел совершенно растрепанным и жалким.

При мыслях о том, что обожествляемого и почитаемого смертными небожителя только что втащили в пыль мирской суеты, Чжао Шинин искренне переполнило чувство злорадного торжества.

— Чжао Шинин, как ты смеешь!

Он внезапно глухо застонал и больше не смог произнести ни слова.

Сердце Чжао Шинин дрогнуло, на миг ей стало по-настоящему страшно, но она набралась смелости и подалась вперед.

— Учитель, к чему эти фальшивые отговорки?

Она нетерпеливо приступила к делу.

Острая боль заставила глаза Чжао Шинин мгновенно наполниться слезами. Она вцепилась пальцами в горло Се Линьчжо и принялась бранить его за никчемность — из-за него ей было так больно.

Се Линьчжо тоже несладко пришлось: его лицо покрылось холодным потом, а от ее хватки он задышался, но мог лишь покорно терпеть.

Ее движения были неуклюжими и грубыми, она сжимала его горло так, будто вымещала накопившуюся злобу.

...

Перед глазами Се Линьчжо постепенно застилал белесый туман, тело пронзала сплошная боль. Не в силах больше держаться, он отдал ей всё, что имел.

Оплакивая боль слезами посреди завывающей метели, Чжао Шинин, несмотря на ломоту в теле, ощутила сладостное тепло внизу живота. Она тут же скрестила ноги в позе для медитации, совершенно игнорируя полуголого и поверженного в прах Се Линьчжо.

Ощувив, как поток белого света постепенно очищает ее замутненный Духовный Корень, Чжао Шинин пришла в дикий восторг и поспешно направила циркуляцию энергии, принимая сияние внутрь.

Се Линьчжо сверлил взглядом ее спину, сжав кулаки так, что суставы хрустели. Он жаждал лишь одного — разорвать ее на мелкие кусочки.

Духовный Корень Чжао Шинин был донельзя грязным: когда последняя крупница белого света растворилась, никаких признаков прорыва по-прежнему не наблюдалось.

Ее лицо мгновенно посинело от злости, губы мелко дрожали, и она мысленно набросилась на систему с упреками: — Разве Двойное Совершенствование не должно поднимать уровень культивации? Почему я так и не совершила прорыв?

[Не спеши, это вполне нормально. Подумай сама, ты же изначально — злая второстепенная злодейка, которой положено сойти со сцены еще до конца первых пяти глав. Если бы ты могла просто так превзойти главную героиню с помощью какого-то заурядного Двойного Совершенствования, это затмило бы сияние самой судьбы. На месте героини ты бы, наверное, перемахнула сразу через несколько ступеней развития. Ой, ну чего ты злишься? Зато твой Духовный Корень и вправду стал намного чище прежнего. Может, стоит повторить все еще разок-другой?]

— К черту твоих главных героинь и второстепенных злодеек! Лучше скажи честно, что у меня просто поганая судьба. Ненавижу эти небеса за то, что они такие несправедливые.

Чжао Шинин была вне себя от ярости и вовсе не собиралась повторять эксперимент.

Сидя спиной к Се Линьчжо и погруженная в собственные гневные мысли, она продолжала бранить систему в своей голове, из-за чего пропустила момент, когда Се Линьчжо подобрал валявшийся на земле Морозный Клинок и шаг за шагом двинулся к ней.

[Чжао Шинин, твой учитель снова пытается тебя убить!]

Чжао Шинин в панике обернулась, но Се Линьчжо уже не держался на ногах: его качнуло, и он без сил рухнул прямо на нее.

— Се Линьчжо, ты что, решил меня придавить?!

Не раздумывая, она попыталась оттолкнуть его, но Се Линьчжо внезапно перехватил ее за

запястье. На его шее отчетливо выделялись пугающие следы пальцев, взгляд был мрачным и хищным, а вторая рука легла ей на затылок. Переполненный жгучей ненавистью, он впился в ее губы поцелуем.

— Мм...

В отличие от неуклюжих попыток самой Чжао Шинин искусать его губы раньше, Се Линьчжо действовал хоть и грубо, но властно раздвинул ее зубы, захватил кончик языка и, не колеблясь, тяжело прикусил его.

Чжао Шинин не собиралась сдаваться и укусила в ответ. Они сцепились в ожесточенной схватке, никто не желал уступать: капли крови смешивались с серебристыми нитями слюны, рвались, и они продолжали рвать друг друга зубами.

...

Она снова повалила Се Линьчжо в снег и гнездилась пальцами на его горле, вновь затягивая чистейшую луну этого мира в бесконечную пучину болот.

Уровень культивации Чжао Шинин с трудом дотянул до Последнего уровня Концентрации Ци, но этого было катастрофически мало.

Она все еще оставалась слишком слаба.

Стоило Се Линьчжо вернуть прежнюю силу, как ему хватило бы легкого движения пальца, чтобы стереть ее с лица земли так, чтобы не осталось даже могилы.

Но Чжао Шинин больше не могла выносить этого. Она обладала лишь бранным телом смертной, и продержаться до сих пор ей удавалось исключительно благодаря собственной железной воле.

Се Линьчжо был небожителем, ему не требовался период восстановления, в то время как Чжао Шинин нуждалась в передышке. К тому же она устала настолько, что едва держалась на ногах, под глазами залегли темные круги, выдавая предельную изможденность.

Се Линьчжо сильно дернул ее за руку, заставив снова рухнуть на него сверху, и прорычал:

— Чжао Шинин, у тебя что, с головой не все в порядке?

Кожа Се Линьчжо была сплошь усеяна бесчисленными следами укусов и царапин, не осталось ни одного живого места. Безупречный нефрит был разбит вдребезги, бледное лицо лишено малейших признаков крови. Он ненавидел ее настолько люто, что Морозный Клинок испустил

резкий пронзительный звон и сам собой указал острием прямо в грудь Чжао Шинин.

— Ты так быстро восстановил духовные силы? — Чжао Шинин даже засомневалась, кто именно здесь кого обирал.

Тем не менее, страха она сейчас не испытывала. Напротив, она сама схватила его за руку и прижала к своей груди.

— Се Линьчжо, давай, бей прямо сюда, прикончи меня разом. Убив меня, ты снова станешь чистым и непорочным бессмертным, и никто никогда не узнает, что ты, как последняя собака, валялся под моим...

— Заткнись!

Голос Се Линьчжо звенел от пугающей злобы. Его грудь тяжело вздымалась, метка между бровей становилась все отчетливее. Казалось, он погрузился в пучину столь невыносимых мук, что его благородное лицо исказилось до неузнаваемости, а бушующие вокруг ветер и снег взвились с удвоенной, яростной силой.

Опомнившись от страха, Чжао Шинин кубарем скатилась в сторону, отползая как можно дальше. Ее тело метало из стороны в сторону, словно оторванный от стебля пух, грозя унести в самую воронку снежной бури.

— Конец мне, Се Линьчжо сходит с ума. Я успею сбежать, если брошусь прямо сейчас?

Прижимая руку к бешено колотящемуся сердцу и с трудом удерживая равновесие, она в ужасе смотрела на мужчину в эпицентре бурана.

[Не бойся, у главного героя рушится духовное сердце.]

От этого Чжао Шинин стало еще страшнее. Се Линьчжо шел по Пути Бессердечности, и если его духовное сердце действительно даст трещину, для восстановления равновесия у него останется лишь один выход.

Убить ее.

— Может, мне все-таки сбежать? Здесь больше минуты оставаться нельзя. — Чжао Шинин тряслась всем телом то ли от холода, то ли от липкого ужаса.

[Если сможешь удрать...]

Стоило системе договорить, как небожитель среди снежного вихря открыл глаза. Метка между его бровей вспыхнула золотым светом, и он с абсолютно каменным выражением лица уставился на Чжао Шинин.

— Чжао Шинин, иди сюда.

Ее ноги разом подкосились.

И она потеряла сознание.

<http://bllate.org/book/22397/2350511>